

Тамара СТЕПАНСКАЯ

РОЖДЕНИЕ АНСАМБЛЯ

Конец XVIII—первая половина XIX веков — время создания выдающихся памятников русского классицизма. Совершенно особой страницей в истории русской архитектуры явилось строительство в эти годы заводов и общественных зданий в сибирских горных городах, находящихся в ведении Кабинета¹. Барнаул был одним из старейших городов-заводов в Сибири, административным центром Кольвано-Воскресенских рудников и заводов.

До конца XVIII века каменные здания в заводских поселках в городах Кабинета являлись исключением. Дерево было основным строительным материалом для производственных, общественных и жилых зданий.

Производственные постройки представляли собой одноэтажные здания каркасной конструкции, они имели свайные фундаменты, так как обычно располагались в поймах рек. Их объемная форма определялась технологией производственного процесса.

Общественные и жилые здания имели общий принцип планировки, исходивший от сибирского крестьянского дома (светлица—сени—изба).

При строительстве заводских каменных зданий в XVIII веке художественно осознанных задач не ставилось.

В первой половине XIX века в Барнауле, как и в других горных городах Кабинета, развернулось строительство кирпичных заводских корпусов, общественных гражданских зданий и церквей. Жилая архитектура осталась деревянной, но под влиянием каменного строительства по классицистическим проектам она приобрела новый художественный облик.

Принципы классицизма в строительстве горных городов Кабинета нашли широкое применение особенно в 20—40-е годы XIX века, когда возведение производственных и общественных сооружений стало вестись при квалифицированном архитектурном руководстве. Талантливым зодчим проявил себя барнаульский архитектор Яков Николаевич Попов. Архивные документы сохранили о нем слишком скудные сведения. Но попытаемся за сухими строчками послужного списка архитектора увидеть его живой образ.

В один из дней 1819 года по Петропавловской² улице по направлению к Коношенной площади³ шел юноша. Стремительная походка и взволнованное лицо выдавали необычное состояние его души.

Сегодня он, сын горного офицера, ученик маркшейдера Яков Попов, был приглашен на беседу к начальнику Кольвано-Воскресенских заводов П. К. Фролову. Разговор шел о строительстве в Барнауле новых зданий для горного училища, заводского госпиталя и дома для престарелых. Местом стройки назначена Коношенная площадь, точнее огромный пустырь на левом берегу заводского пруда. Возведение каменных сооружений всегда становилось событием в жизни сибирского города, где застройка была сплошь деревянной. В памяти барнаульцев хранились рассказы о том, как строился в семидесятых годах XVIII века каменный Петропавловский собор по проекту приверженца барочного стиля московского архитектора Д. П. Макулова. С тех пор в Барнауле не велось крупное строительство. Средства из заводской казны, даже на необходимые производственные нужды и ремонт обветшавших зданий, выделялись крайне скупо. Но приближался столетний юбилей существования горнорудной промышленности на Алтае. Горное начальство задумало широко отметить эту дату. В честь ее было решено установить в Барнауле памятник-obelisk, укрепив на нем барельеф с профильным изображением основателя Кольвано-Воскресенских заводов А. Н. Демидова. Но где установить obelisk? Ни Рыночная, ни Соборная⁴ площади для этого не годились. Вот и предложил П. К. Фролов создать в городе новую специальную для obeliska предназначенную площадь. Для создания проектов новых зданий и руководства строительством был нужен архитектор. Да и впрямь в Барнауле планировалось строительство музея, заводской химической лаборатории, церквей, производственных зданий. Живительное дыхание общественного подъема в России, порожденного Отечественной войной 1812 года, коснулось и далекого сибирского города — административного центра Кольвано-Воскресенских заводов. Но именно сейчас, в 1819 году, когда строительные планы были утверждены высшим петербургским начальством, заводской архитектор А. И. Молчанов подал прошение об отставке, ссылаясь на слабое здоровье и преклонный возраст. Вот почему П. К. Фролов, человек энергичный и просвещенный, вызвал к себе маркшейдерского ученика Я. Попова, рекомендованного ему А. И. Молчановым. Волнение овладело юношей, когда он догадался о причине приглашения его к начальнику за-

водов. Действительно, П. К. Фролов заключил беседу с Я. Поповым известном о решении командировать его в Петербург для учебы в архитектурных классах Академии художеств.

В тот день Коношенная площадь под низким пасмурным небом не казалась Попову унылой. Живое воображение преобразило вид пустыря, окружив его светлыми каменными зданиями, о каких не однажды рассказывал ему А. И. Молчанов, описывая годы своего пребывания в Петербурге.

Воспоминание о старом, больном архитекторе омрачило мечты юноши: неужели и ему, Якову Попову, предстоит пройти жизненный путь, подобный тому, какой уже почти пройден Молчановым? Жизнь Андрея Ивановича была хорошо известна Попову. В далеком 1781 году пятнадцатилетним подростком закончил он барнаульскую горнозаводскую школу. В том же году началась его служба в Колывано-Воскресенских заводах с должности маркшейдерского ученика. Потом были недолгие, с 1786 по 1790, годы в Петербурге. Это было счастливое время учебы в Академии художеств, дни надежд на свершенные чего-то значительного и нужного людям. Что в итоге построил А. И. Молчанов? Немного. Все силы и время ушли на выполнение каждодневной мелкой работы по составлению смет на строительство сараев, складов, магазинов, ремонт ветхих церквей и контор в Алтайских рудниках и заводах. Лишь несколько скромных кирпичных зданий на улице Петропавловской сохранил, быть может, в памяти барнаульцев имя А. И. Молчанова. Горько сознавать, что одно из них тюрьма. Все здесь, в Колывано-Воскресенских заводах, подчинено одной цели — получить большие прибыли от вылавки серебра и меди, а средств затратить меньше. Чиновничий аппарат вымуштрован, верноподданнические чувства проявляются в стражайшей экономии заводской казны, производимой за счет нужд рабочих и их детей. Никому нет дела, что, кроме всего прочего, души людей красоты и достоинства жадуют! Попову вспомнился недавний разговор с маркшейдером Иваном Мурзиным. Грустный это был разговор. Написал Мурзин в Горное Правление прошение на высочайшее имя о том, что «желает двух младших дочерей своих... образовать в науках... в С.-Петербурге, но не имеет возможностей по недостаточному состоянию доставить их туда, а посему просит покорнейше оказать ему в том помощь». Прошение отправили в Петербург. А через несколько месяцев вызвали Мурзина в горное правление и прочли петербургскую бумагу, которая держала отказ на его просьбу и выговор барнаульским чиновникам за то, что сами не догадались образумить высоко взлетевшего в желаниях рабочего человека и побеспокоили сим вздором петербургское начальство.

«Все-таки мне повезло. Официально должность заводского архитектора утверждена указом 1806 года. Заводам нужен архитектор. Я еду учиться в Петербург. Это счастье», — спокойно, уже без прежнего восторга подумал Попов. Лицо его стало серьезным, словно он в эти минуты раз и навсегда определил свою судьбу — пройти до конца путь заводского архитектора, стремясь своим трудом облагородить сердца и помыслы людей.

Пройдут годы, но не забудет Я. Н. Попов ни тот восторг, ни ту горечь, ни ту спокойную трезвость раздумий, овладевших им в один из дней 1819 года на пустынной Коношенной площади под низким пасмурным небом, на берегу заводского пруда. С очередным обходом серебра, направляющимся в Петербург, Я. Н. Попов ранним утром покинул Барнаул.

Шел 1820 год. Позади остался город, знакомый, кажется, до последнего домика. Да и всего-то до-

мог в Барнауле около тысячи и все деревянные. Правда, еще в 1759 году указом Кабинета повелевалось «вводить в обычай ввиду сбережения лесов, нужных для казенных производств, чтобы частные обыватели и горные служащие строили дома мажорановые, а достаточные люди — кирпичные и каменные», но охотников на производство таких построек не оказалось. Казенные и жилые дома строили из основного, пихтового или лиственничного леса. Единство материала придавало городу цельность, да и похожи были дома друг на друга. У мастеровых людей они состояли «из одной избы или избы и горницы в одной связи», покрывались тесом скатом на четыре стороны или на две. На окраинах Барнаула стояли убогие домишки без кровель или прикрытые «драньем» скатом на одну сторону.

Каменные и кирпичные строения в городе можно было перечестать по пальцам: одноэтажная аптека, заводская контора, тюрьма, магазин, архив и гордость барнаульцев — Петропавловский собор. Рассказывали, что томичи пытались построить в мужском Алексеевском монастыре церковь, подобную барнаульской, но построили иную. Так и остался Петропавловский собор в Барнауле единственным на территории Кабинета его и. в. каменным сооружением в стиле барокко. Попов с детства дивился заветливости собора. Загадочными и прекрасными казались ему непривычные формы и линии овальных окон, разорванных фронтонов, волот и спаренных колонн. Быть может, это удивление необычной красоты впервые пробудило в Попове художника, заставило из разговоров взрослых собирать крупницы сведений о дальних чудесных городах.

Не раз по дороге в Петербург вспоминались Я. Попову долгие зимние вечера в доме А. И. Молчанова. Хорошо было слушать его рассказы о прошлом Барнаульского завода, о наводнении 1793 года, о Петербурге. Иногда к архитектору приходили в гости инженеры-иностранцы. Их было немало в Колывано-Воскресенских заводах, особенно немцев, некоторые из них были выписаны из Дрездена. Они вступали в разговор, звучала ломаная русская речь о городах и обычаях, совсем неведомых сибирскому мальчишке, ученику горнозаводской школы. Эти беседы у теплой голландской печи под метельные белые всполохи за окном питали воображение юного Попова и укрепляли в нем жажду знания.

...Годы учебы в Петербурге летели незаметно. Суровый режим жизни слушателей архитектурного класса Академии художеств не тяготил Попова. Ранние, в пять часов утра, подъемы, долгие часы занятий рисунком и другими специальными предметами, работа над учебными проектами — все воспринималось им как должное и необходимое условие приобретения основательных знаний.

Но, пожалуй, любимейшими и полезнейшими уроками для будущего архитектора стали предвечерние прогулки, по улицам, площадям и набережным Петербурга. Перед ним воочию, осязаемо развертывалась история русской архитектуры: здания петровского времени, неповторимое русское барокко К. Б. Растрелли, постройки строгого и зрелого классицизма, художественные образы которого отвечали героическим идеалам русской действительности десяти-двадцатых годов. Все это оставляло след не только в творческой памяти юноши, но и в его сердце, которое хотело стучать в такт с сердцами передовых людей той эпохи.

• В 1822 году Я. Н. Попов стал учеником Карла Ивановича Росси. К тому времени талантливый русский зодчий был уже немолод, он перешагнул за сорок. Настала пора его творческой зрелости. В двадцатые годы К. И. Росси работал напряженно: заканчивалось строительство Елагина дворца,

начались работы по реконструкции Дворцовой площади, в 1819 году был заложен Михайловский дворец. Огромный объем работ! Под силу ли все это одному человеку? Но выдающийся архитектор проявил себя и выдающимся организатором. Он умел сплотить вокруг себя дружный творческий коллектив. «За время наиболее активной деятельности России — с 1809 по 1832 годы — под его руководством работало свыше сорока архитекторов».

Обычно Росси делил членов своего коллектива на ведущих архитекторов и архитектурских помощников. К первой группе принадлежали опытные специалисты с законченным образованием. В их обязанности входило совместное с Росси проектирование вспомогательных объектов.

У Я. Н. Попова не было ни строительного опыта, ни законченного образования. Он стал архитектурным помощником. Главной его обязанностью было наблюдение за точностью возведения архитектурных форм с рабочих чертежей на определенных участках строительства Михайловского дворца, каменного театра и Главного штаба.

Общение с К. И. Росси, величайшим представителем русского классицизма, непосредственное участие в создании его петербургских ансамблей явились лучшей школой для сибирского архитектора. Из этих практических уроков Я. И. Попов вынес твердое убеждение, что здания должны быть связаны между собой единой мыслью и образовывать единую архитектурную композицию.

К. И. Росси был внимателен к своим помощникам. Он умел ценить в людях честность и преданность избранному делу. Отметим великий зодчий и прилежание Я. Н. Попова, которому по его представлению дважды, в 1828 и 1829 годах, «за усердное отправление должности по строению каменного театра было выдано по высочайшему повелению 600 руб.»

Готовясь к самостоятельной деятельности в Кольвано-Воскресенских заводах, Я. Н. Попов стремился получить от пребывания в Петербурге как можно больше полезного. В его альбомах появляются зарисовки побывавшихся ему уголков столицы и среди них ограда Аничкова дворца, украшенная стройными декоративными портиками Ф. Руска.

Не восторженным юношей и не только мастером архитектурного дела возвращался Я. Н. Попов в 1829 году в родной сибирский город. В Петербурге окончательно сложилось его гуманистическое мировоззрение. Не прошло бесследно длительное общение талантливого ученика с великим учителем К. И. Росси, чье творчество утверждало глубоко человеческие идеалы; не могли не взволновать, не ранить душу Попова события 14 декабря 1825 года, когда лучшие люди России выступили против царского самодержавия на Сенатской площади. В Петербурге начинающий архитектор стал свидетелем и участником создания одних из последних крупных построек русского классицизма в условиях жесточайшей политической реакции, наступившей после поражения восстания декабристов. Духовно зрелым человеком вернулся в Барнаул бывший ученик маркшейдера Я. Н. Попова. И вот он снова на Петропавловской улице. Остановился у входа в сад, что напротив аптеки, посмотрел на Соборную площадь. Августовский ветер клонил ветви деревьев, окружающих Петропавловский собор, сквозь них белели стены с неглубокими нарядными нишами, темнели окна. Попов улыбнулся, вспомнив свой детский восторг перед этим зданием. Теперь ему предстояло строить самому — отныне он главный архитектор Кольвано-Воскресенских заводов.

Попов шел вдоль чугунной ограды сада, мимо каменных зданий гауптвахты, магазина, заводской

конторы. У ворот сереброплавильного завода он замедлил шаги и, глядя на низкие деревянные домики, выстроившиеся на противоположной стороне Петропавловской улицы, подумал: «Кирпичные и каменные строения смотрятся здесь случайными островками. Надо строить, как учил Карл Иванович: создавать ансамбли и комплексы. Композиционным центром в планировке Барнаула является завод, вокруг него группируются общественные здания и жилые дома чиновников. Следовательно, заводской двор должен входить в архитектурный комплекс, который включает ансамбли Коюшениной и Соборной площади, а также Петропавловскую улицу. Главное — организовать пространство площадей и улиц в гармоничное целое». Это был замысел столичного размаха, достойный ученика великого Росси. Над его осуществлением Я. Н. Попов работал с 1829 по 1852 годы.

Я. Н. Попов впервые в Кольвано-Воскресенских заводах поставил задачу создания художественного образа производственных зданий.

В 1835 году был составлен альбом «Планы горных заводов, рудников и всего состоявшего при них устройства Округа Алтайских заводов». Альбом содержит чертежи фасадов и планов производственных построек, многие из которых подписаны главным архитектором. Можно предположить, что Я. Н. Попов является автором проектов большинства заводов, массовая перестройка которых проводилась именно в тридцатые—сороковые годы XIX века. Она была вызвана усовершенствованием технологических процессов, требованием времени. Основным строительным материалом для заводов Алтайского горного округа стал кирпич.

Я. Н. Попов широко пользовался образцовыми проектами, беря их за основу. Особенно это ощущалось в фасадах плавильных цехов Сузунского и Гурьевского заводов.

Наиболее совершенными постройками Я. Н. Попова явились здания Барнаульского сереброплавильного завода, составившие часть комплекса исторического и композиционного центра Барнаула.

Фасады фабрик⁵, выходявшие во двор завода, были решены по типической для русского классицизма схеме: вытянутый по горизонтали призматический объем, обработанный в центре портиком из шести колонн и боковыми ризалитами с меньшими портиками. Благодаря зеркальности композиции фасадов зданий достигалось равновесие архитектурных масс и статичность площади заводского двора.

Напротив зданий второй плавильной фабрики находилась важня — помещение для приема руд. Я. Н. Попов перестроил ее, создав поистине монументальное сооружение в виде открытой с трех сторон аркады. Арки опирались на мощные пилоны, базы которых были укреплены чугунными плитами.

Плотинные фасады фабрик, обозреваемые с Демидовской площади⁶, были обработаны арками и пилонами.

Можно упрекнуть архитектора за несколько механический перенос классицистической схемы парадных фасадов с портиками, типичных для общественных зданий, на фасады промышленных сооружений, но нельзя не отдать должное соразмерности частей монументальности в целом заводских корпусов.

Заводской двор был обнесен чугунной оградой, обсаженной деревьями и кустарниками. Демидовская площадь, прямоугольная в плане, почти квадрат, симметричная, с гранитным обелиском в центре, со стороны заводского пруда также замыкалась чугунной на каменном цоколе оградой. С других сторон она ограничивалась тремя зданиями: госпиталем, училищем, богадельней. Госпиталь был завершен, а дом для престарелых построен Я. Н. Попо-

вым. Горному училищу в композиции площади была отведена главная роль. Проект Я. Н. Попова, предполагавший в фасаде училища центральный ризалит с колоннами и подъездную лестницу (пантус), не был утвержден начальством Кольвано-Воскресенских заводов. Дважды архитектор перерабатывал проект. Ни один из них не был одобрен. В сороковые годы XIX века классицизм утратил свою идейную основу, он уже не утверждал героические идеалы служения обществу. В условиях нарастающей политической реакции классицизм выродился в официальный холодный правительственный стиль. Вот почему Я. Н. Попов не смог отстоять проект училища перед царскими чиновниками.

Переработать проект Я. Н. Попова поручили архитектору Шрейберу. От замысла Попова в проекте училища Шрейбером было сохранено объемно-композиционное решение здания и арочные оконные проемы нижнего этажа. Исчезли колоннада, пантус, гладь стен — все то, что придавало зданию монументальность и что связывало его с фасадами госпиталя и богадельни. Плоский сухой декор фасадов училища нарушил гармонию ансамбля Демидовской площади. Но в целом замысел Я. Н. Попова создать стройный архитектурный ансамбль осуществился. Во всех зданиях ансамбля из трех измерений, формирующих объем, решительное предпочтение отдано горизонтали. Мотивами, связывающими стороны площади в гармоничное целое, явились мощные колоннады центральных портиков зданий госпиталя и богадельни, а также применение чугунных плит в качестве капителей и в облицовке цокольных частей построек.

Несмотря на замкнутость композиции, Демидовская площадь не была изолирована от городского пространства. Размещение площади на пересечении нескольких улиц, широкая перспектива, открывающаяся в сторону реки Барнаулки и заводского двора, лишали ее абсолютной обособленности. Более того, перспектива, раскрывающаяся в сторону Барнаулки, дала возможность включить в ансамбль площади каменную кладбищенскую церковь, построенную, по-видимому, по проекту Я. Н. Попова в стиле классицизма, хотя строительство ее завершилось в 1857 году.

Решая задачу ансамблевой застройки центра города, Я. Н. Попов преобразовал Петропавловскую улицу. Он несколько изменил фасады молчановских построек (аптеки, заводской конторы, гауптвахты). Интервалы между зданиями заводской конторы, инструментального магазина и тюрьмы Я. Н. Попов заполнил глухими каменными оградами с декоративными портиками. В результате этих преобразований композиция южной стороны Петропавловской улицы приобрела стройность и завершенность.

На северной стороне улицы по проекту Попова была построена главная химическая лаборатория завода. Обработка парадного входа в здание лаборатории гармонировала с портиками стены на южной стороне улицы.

Я. Н. Попов не осуществил до конца реконструкцию Петропавловской улицы, как не осуществил он и других своих замыслов; постоянно загруженный текущей работой, архитектор рано подорвал здоровье. В 1852 году Я. Н. Попов уволился со службы в Кольвано-Воскресенских заводах. Всю жизнь он стремился быть верным идеалам юности,

идеи благородного служения обществу, которая лежала в основе русского классицизма.

Судьба Попова типична для заводского архитектора Кабинета его и. в. Подобный жизненный путь прошли А. И. Молчанов, а также талантливый современник Я. Н. Попова Л. Иванов, чья деятельность протекала в Нерчинских заводах. Горное начальство не было заинтересовано в получении способными юношами дипломов свободных художников, ибо с этим званием были связаны определенные привилегии. Кабинет требовал от Академии художеств лишь справку о прилежании и успехах в учебе своих посланцев.

Быть может, Я. Н. Попов внес бы более значительный вклад в историю русского классицизма, если бы он работал в иных условиях, не будучи в прямой зависимости от консервативного и порой невежественного чиновничьего аппарата Кольвано-Воскресенских заводов.

Как откровение, как неутоленная мечта о жажде свободной творческой деятельности, явилось строительство Поповым декоративных портиков на улице Петропавловской. Они напоминали ему о счастливых днях учебы у великого художника-гуманиста К. Н. Росси, о красоте Петербурга, о романтических мечтах юности.

Деятельность Я. Н. Попова оставила глубокий след в строительстве Барнаула. Производственные здания сереброплавильного завода были включены в ансамбль городского центра. Они приобрели стилевое единство с общественными постройками города.

Я. Н. Попов широко осуществлял на практике принцип классицизма — рассматривать архитектуру как всеобъемлющий вид строительства. Аптека, лаборатория, госпиталь, горное училище, производственные здания, заводская контора — все строилось в соответствии с назначением здания по классицистической схеме. Это осуществлялось Поповым на протяжении всей первой половины XIX века, в то время как в европейских городах уже наблюдалась тенденция исключения из сферы изящной архитектуры сооружений утилитарного вида.

Творчество Я. Н. Попова питалось передовыми идеями русской архитектуры первой четверти XIX века. В этом его непреходящее значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Началом организации Кабинета его императорского величества принято считать учреждение Петром I в 1704 году должности Кабинет-секретаря. Постепенно Кабинет приобретает характер исключительно дворцового бюрократического аппарата, в ведении которого находились промышленные предприятия и земельные имения, доходы с которых шли на содержание императорской фамилии и Министерства императорского двора. Основными источниками доходов были Алтайский и Нерчинский горные округа.

2. Ныне улица имени И. И. Ползунова.

3. Ныне Пионерская площадь.

4. Ныне площадь Свободы.

5. Фабриками в первой половине XIX в. назывались все производственные здания.

6. После установления обелиска так стала называться Конюшенная площадь.